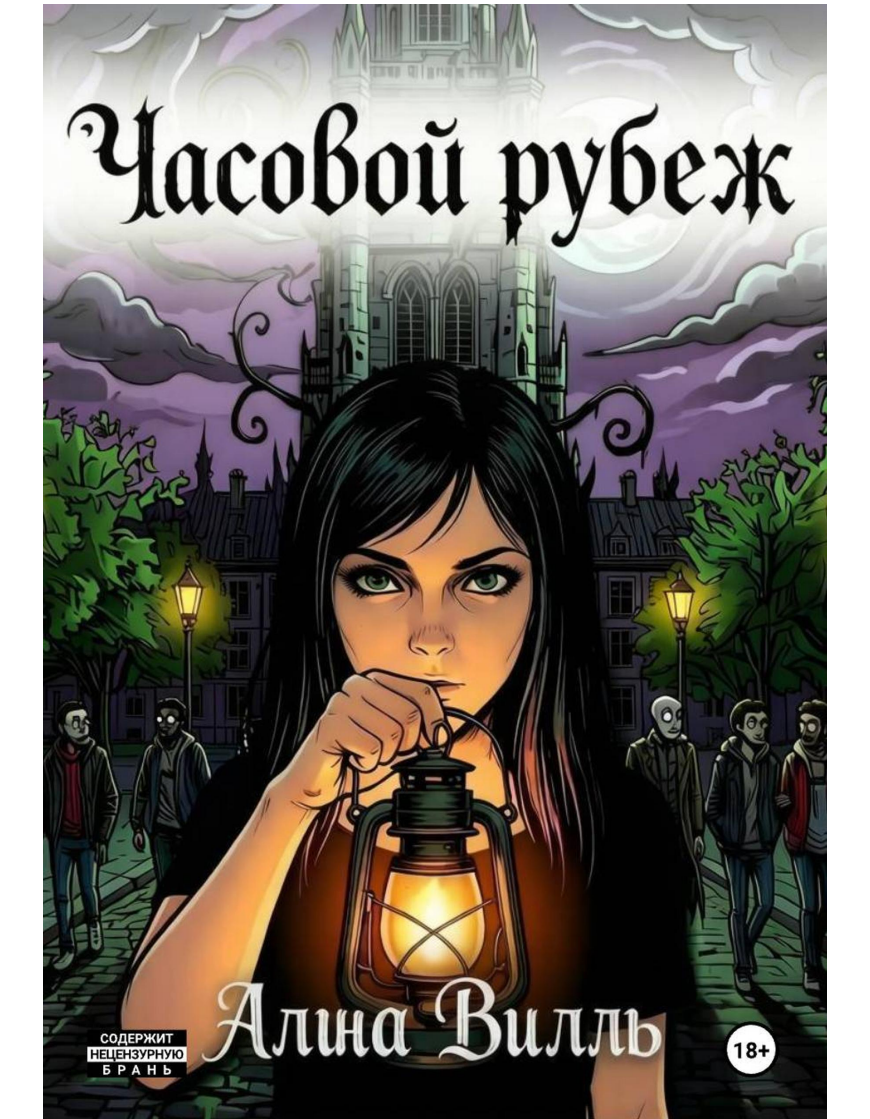

Часовой рубеж

Алина Вилль

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алина Вилль

Часовой рубеж

<https://litres.ru/74421592>

SelfPub; 2026

Аннотация

В современном мире, где время — это сила, а магия подчиняется строгим законам ритма, Лина Торн поступает в Академию «Часовой Рубеж». Кристалл, сердце Академии, признал в ней сразу два потока силы, что случается крайне редко.

Первый же день оборачивается катастрофой: случайная встреча с Ильёй Фростом, талантливым студентом боевого порядка, вызывает неожиданный снежный шторм посреди весны. А за фасадом строгой дисциплины начинают происходить странные вещи — словно кто-то намеренно нарушает хрупкий баланс времени.

Лина обнаруживает, что её дар видеть скрытые сбои в системе привлекает внимание не только преподавателей, но и тех, кто хочет использовать эти знания в своих целях. В коридорах Академии начинают происходить необъяснимые вещи: время замедляется, пространство искривляется, а тени ведут себя странно.

«Часовой Рубеж» — это история о том, как важно найти свой ритм в мире, где хаос и порядок находятся в постоянном

противостоянии, а сила без контроля может стать опаснее любого врага.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	17
Глава 2	24
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алина Вилль Часовой рубеж

Пролог.

Автобус трясло на выбоинах, и Лина держалась за поручень, чтобы не упасть. Город вокруг будто жил по другому ритму: старые дома, пустые остановки, редкие фонари, которые зажигались не по порядку, а как будто кто-то щёлкал выключателем наугад. Лина смотрела на них, стараясь не думать о том, что будет дальше. Но думать не получалось.

Она вытащила из кармана буклет, сжала один его край в руке.

Буклет для поступающих в Академию «Часовой Рубеж»
«Как устроен мир — и почему мы не даём ему рассыпаться»

Разворот 1. Обложка. Академия «Часовой Рубеж». Крепость. Лаборатория. Школа.

«Не пытайтесь удержать время силой. Сила ломает. Время держат ритмом». — Ректор Сентябрь, Дмитрий Андреевич Холод

На фоне — вид на Академию: массивное здание из слов камня и стекла; над ним — переливы северного сияния, стекающие по стенам, как жидкое серебро. В центре — про-

зрачный Кристалл за витражом, вокруг него — Мозаика из двенадцати секторов, светящихся разными оттенками.

Подзаголовок: «Ты чувствуешь сдвиги? Мы учим их фиксировать».

На обложке переливалось северное сияние, стекающее по стенам Академии, как жидкое серебро. Лина скользнула взглядом по надписи: «Ты чувствуешь сдвиги? Мы учим их фиксировать». И вдруг узор на обложке на долю секунды дрогнул — не как блик, не как рябь от движения автобуса. Он будто повторил ритм её пульса: вспышка — тишина, вспышка — тишина.

Лина моргнула. Узор снова стал обычным рисунком, холодным и неподвижным. Она тряхнула головой, крепче сжала буклет и прошептала себе под нос:

— Просто нервы. Просто тряска., просто хочется увидеть хоть какой-то знак, что она на верном пути.

Разворот 2. «Легенда.»

Говорят, сначала не было ни городов, ни дорог, ни голосов. Только земля, камни и ветер, который гудел, как пустая чаша.

А потом небо вспыхнуло. Северное сияние не просто танцевало в вышине — оно сорвалось вниз, будто кто-то разорвал ткань мира. Свет стекал по воздуху, как жидкое серебро, пронизывая сумрак, и касался земли там, где позже вырастут леса и реки.

Там, где свет особенно глубоко вошёл в землю, родился Кристалл. Он не был мёртвым камнем: он пульсировал, отзываясь на дыхание мира, и впитывал в себя ритм земли. В нём переливались все оттенки северного сияния: холодный голубой, изумрудный, фиолетовый, золотистый — словно в нём застыла сама суть того первого мгновения.

И из этого света родились Двенадцать. Не боги, не люди, не духи — а первые отголоски Кристалла, его двенадцать граней, каждая из которых поймала свой оттенок силы. Один впитал ледяную синеву, другой — янтарный отблеск, третий — густой сумрак. Они не знали, что станут Месяцами. Они просто были — и мир начал дышать в их ритме.

Но единства между ними не было никогда. Пока одни искали равновесия и придумывали правила, чтобы удержать мир в ритме, четверо отвергали любые границы. Им не нужен был «порядок ритмов». Им нужна была свобода стихий — и сила без узды. Этот раскол стал первой трещиной.

В эпоху язычества трещина впервые дала о себе знать не как философская идея, а как физический разлом в самой ткани времени. Дни начали путаться: за весной приходила зима, полдень наступал раньше рассвета, а в одном месте одновременно могли идти дождь и снег. Люди видели это как гнев богов, а хранители — как сбой ритма.

Тогда появились первые ритуалы. Круги из камней, костры, которые жгли не для тепла, а чтобы удержать время на месте, повторяющиеся слова, круговые движения. Это рабо-

тало едва-едва: стоило одному звену выпасть — и мир снова начинал плыть.

Шли века. Города росли, шум становился громче, а хаос — хитрее. Он прятался в едва уловимых сдвигах: в том, как внезапно затихает ветер перед рассветом, как тени ложатся чуть не по сезону, как в одном квартале всегда раньше ложится иней, а в соседнем — никогда. Старые ритуалы не могли отличить случайную аномалию от предвестника катастрофы.

Именно тогда Кристалл спрятали в самом защищённом месте, куда не дотягивались ни ветер, ни чужие эмоции, ни резкие перепады энергий. А вокруг него выстроили Мозаику из двенадцати секторов — как продолжение его граней. Каждый сектор был связан с одним из Двенадцати, повторяя их оттенки силы: голубой для холода, янтарный для роста, сумрак для переходов. Мозаика не просто отражала свет — она брала на себя часть напряжения, мягко перераспределяя его, чтобы Кристалл мог дышать, но не разрушаться.

Так появилась Академия «Часовой Рубеж»: крепость, лаборатория и школа, где даже те, кто рождён из света, учатся держать свою силу под контролем. Здесь магия — это не вдохновение, а дисциплина. Потому что только предсказуемость спасает мир от случайных разрушений.

Кристалл не только измерял ритм — он помнил. И в его глубине, среди танцующих огней, тлела тревога: ритм мира становился тоньше, будто кто-то осторожно дёргал за нити

времени. Те, кто умел слушать, чувствовали это как лёгкую дрожь в воздухе — словно мир затаил дыхание перед надвигающейся бурей.

«В нашей работе нет места геройству. Есть место дисциплине. Если вы чувствуете, что теряете контроль — остановитесь. Сообщите куратору. Зафиксируйте параметры. Только потом действуйте». — Из обращения ректора Дмитрия Андреевича Холода к абитуриентам.

Рядом кто-то кашлянул. Лина подняла глаза: напротив сидел пожилой мужчина в тёплой куртке. Он посмотрел на буклет, потом на Лину, и вдруг тихо сказал:

— Не бойся. В таких местах сначала страшно, потому что они слишком честные. Не обещают чудес, зато не обманывают. Лина хотела что-то ответить, но поезд дёрнулся и начал тормозить. Мужчина кивнул, будто понял, что слова сейчас не нужны, и вышел в тамбур.

Разворот 3. «Как Кристалл выбирает факультет».

В Академии не ты выбираешь факультет — тебя выбирает Кристалл. В день зачисления каждый абитуриент проходит Ритуал Резонанса: встаёт перед Кристаллом, закрывает глаза и на несколько секунд ощущает его пульс. Кристалл считывает «отпечаток воли» — не силу, а структуру внутреннего ритма: насколько человек устойчив, насколько умеет держать границы, как реагирует на хаос.

По характеру отклика система формирует рекомендацию,

которая становится направлением подготовки.

Ниже — три карточки с фото преподавателей и короткими слоганами.

Карточка 1: Факультет Боевого Порядка.

Преподаватели: Олег Станиславович Ветров, Григорий Михайлович Тучев.

Слоган: «Магия — это не сила. Это точность. Любой приём должен быть рассчитан и задокументирован».

На фото: Ветров и Тучев стоят у тренировочного полигона, руки скрещены, взгляд строгий. Рядом — доска с «паспортами приёмов»: формулы, графики, зоны поражения.

Подпись: «Каждый приём сдаётся с паспортом: время, радиус, побочные эффекты. Эмоции — фактор риска: злость расширяет ледяной рывок и делает его непредсказуемым».

Карточка 2: Факультет Стихийной Инженерии.

Преподаватель: Марина Вячеславовна Винтер.

Слоган: «Сначала симуляция. Потом допуск. Только затем — полигон».

На фото: Винтер в лаборатории, на экране — 3D-модель метели с параметрами: скорость ветра, температура, влажность, площадь покрытия.

Подпись: «Стихия без контроля — хаос. Мы учим направлять энергию по безопасным каналам и усиливать заклинения личными сигнатурными силуэтами».

Карточка 3: Факультет Цифровой Символики.

Преподаватель: Артём Вадимович Росин.

Слоган: «Узор — это код. Код — это узор. Переведи структуру в алгоритм — и ты получишь контроль».

На фото: Росин у серверной стойки, на планшете — схема узора, рядом — строки кода.

Подпись: «Мы автоматизируем рутину: авто-щит, метка-след, быстрый анализ энергии. Но любая ошибка в коде может вызвать сбой: например, щит сработает на чайник и отключит электричество на этаже».

Разворот 4. Система магии: «Узоры как отпечатки воли».

Магия в этом мире не про «заклинания из книжки», а про взаимодействие воли и структуры:

- «Узоры» — это язык магии. Они могут быть нарисованы, вырезаны, выложены из листьев, созданы из теней или инея. Чем чище и осознаннее узор, тем стабильнее эффект.

- «Отпечаток воли» — это личная «подпись» мага. Именно его считывает Кристалл во время Ритуала Резонанса.

«Чистота узора — это спокойствие. Не пытайтесь обмануть Кристалл. Он чувствует фальшь даже в микро-дрожи руки». — Артём Вадимович Росин, Факультет Цифровой Символики.

Разворот 5. «Быт и инфраструктура Академии».

Академия «Часовой Рубеж» берёт на себя не только обучение — она даёт пространство, где ты можешь восстановить

ритм.

Поэтому всем зачисленным студентам предоставляется бесплатное жильё в кампусе.

«Твой дом в Академии»:

- Однокомнатная квартира с большой кухней, функционально разделённой на зону кухни и уютную гостиную.

- Лоджия, где можно посидеть вечером, чтобы привести мысли в порядок или просто посмотреть, как северное сияние стекает по ночному небу.

- В каждой квартире — базовая бытовая техника, стабильный интернет и встроенный датчик микросдвигов: если в районе начнётся аномалия, система тихо предупредит тебя через браслет и продублирует сигнал в дежурный центр.

При зачислении на факультет каждый студент получает портативный вычислительный модуль¹. Это не просто гаджет, а твой рабочий инструмент: он фиксирует параметры резонанса, помогает синхронизироваться с группой на полигоне и ведёт черновики паспортов приёмов. Модуль привязан к твоему профилю и интегрирован в общую сеть Академии: данные с него автоматически поступают в учебную систему, чтобы кураторы могли вовремя заметить перегруз и предложить поддержку. Для факультета Стихийной Инженерии этот модуль — такая же обязательная часть экипировки, как перчатки у лаборанта или очки у оптика: без него нельзя выходить на практику.

¹ в обиходе — браслет

«Твой дом — не просто стены. Это твоя точка стабильности. Держи её в порядке, и она поможет тебе держать ритм в городе». — Тихон Иванович Смирнов, завхоз Академии

Рядом с жилыми корпусами — столовая с гибким графиком, библиотека с круглосуточным доступом, спортзал и тихие комнаты для медитативных практик, они особенно важны для студентов Факультета Цифровой Символики, которым нужно сохранять чистоту узора.

Разворот 6. «Мини-викторина: Миф или факт?»

Миф	Факт
«Магия — это вдохновение»	«Магия — инженерная дисциплина: у каждого эффекта есть паспорт с параметрами и побочными эффектами»
«Достаточно захотеть — и время подчинится»	«Время держат ритмом: без синхронизации и протоколов даже малая ошибка вызывает каскад»
«Стихия должна быть свободной»	«Стихия без контроля — хаос: её энергию нужно направлять по безопасным каналам»

Под таблицей — строка мелким шрифтом:

«Это всё фольклор. Не цитируйте на зачёте. Нам нужны цифры, графики и протоколы». — Приписка от руки на полях буклета, почерк ректора*

«Что ждёт студента»:

- Практика в городе. Ты будешь учиться замечать сдвиги там, где их почти не видно: на транспортных узлах, в деловых кварталах, на крупных перекрёстках.

- Работа с данными. Перевод визуальных узоров в код, автоматизация базовых протоколов, анализ статистики аномалий.

- Командная работа. Ритм держится только вместе: ты будешь учиться синхронизироваться с другими секторами и реагировать на всплески напряжения.

- Этика силы. Ты получишь доступ к мощным инструментам — и тебя научат, когда и как их применять.

- Стабильная база. Бесплатное жильё, инфраструктура и система раннего оповещения помогают тебе оставаться в ресурсе — потому что уставший маг — это риск для всего города.

- Незаметная поддержка. Даже то, что кажется бытом — от датчика в квартире до чуткого слуха завхоза, — становится частью общей защиты.

«Академия ищет тех, кто умеет видеть не только очевидное. Тех, кто замечает сдвиги. Тех, кто может соединить

древнюю силу и современную точность».

Лина снова посмотрела в окно. Там, за стеклом, уже виднелась Академия. Она стояла неподвижно, но казалось, что воздух вокруг неё дрожит, как над горячим асфальтом.

Глава 1

Лина сунула буклет «Часового Рубежа» обратно в карман, ровно в тот момент, когда автобус мягко качнулся и замер у остановки. Над дверьми тихо щёлкнуло, створки разъехались, и в салон ворвался городской воздух — с примесью мокрого асфальта, кофе и чего-то ещё, едва уловимого, будто электричество слегка вибрировало в ветре.

Она шагнула на тротуар, поправила ляжку рюкзака и посмотрела на часы. Сердце билось так, словно хотело вырваться и добежать до Академии раньше неё. Сегодня — первый день. Распределение по факультетам. Пропустить его — значит, возможно, вообще не попасть в ритм Академии.

Рядом уютно светилось окно кофейни. «Пять минут, — пообещала себе Лина. — Только кофе, чтобы руки перестали дрожать».

Внутри пахло обжаренными зёрнами и ванилью. Девушка быстро заказала эспрессо, втиснулась между столиками и снова уставилась на циферблат. Пять минут растянулись в десять. Десять — в пятнадцать. Она нервно постукивала пальцами по стойке.

«Пожалуйста, только не сегодня».

Пока Лина боролась с желанием выбежать без кофе, из дверей Академии показались двое. Илья Фрост и Артемий Дрейк. Студенты второго курса, для которых этот маршрут

был уже таким привычным, что они почти не замечали его.

Они шли, не сбавляя шага, и болтали о самом обычном — о том, как вообще хочется просто выдохнуть. Артемий смеялся, что мечтает проваляться весь выходной с книгой где-нибудь в тихом углу, где не слышно ни ветра, ни шагов, ни чужих эмоций. Илья слушал, изредка кивая, но взгляд у него был такой, будто он одновременно следит за каждым шорохом в воздухе. Для Ильи, воспитанника Факультета Боевого Порядка, любое отклонение от нормы было не просто мелочью — это был потенциальный сбой.

— Знаешь, я бы вообще ни о чём не думал дня два, — вздыхал Артемий. — Просто сидеть и не просчитывать потоки. Пусть хоть раз что-то будет не задачей, а просто тишиной.

— Тишина у нас не держится. Но если очень хочется, можно попробовать поймать её на закрытом полигоне. Там фон глушится лучше, чем в любом парке. Я попробую раздобыть пропуск. Если получится — потренируемся. Не ради новых приёмов, а чтобы просто удержать контур без помех.

Артемий покосился на него:

— Ты даже в мечту о выходных вплетаешь тренировку.

— Потому что тишина — это тоже навык, — спокойно ответил Илья. — Если не держать ритм, тишина сама развалится.

Лина, наконец, получила свой кофе. Горячий, тёмный, с дрожащей пенкой. Она схватила стаканчик, сделала шаг к

выходу — и тут же замерла: время. Она опаздывала.

Вылетев из кофейни, Лина свернула за угол, не глядя, не думая, только чувствуя, как секунды утекают сквозь пальцы. И в этот самый миг она врезалась во что-то твёрдое, холодное и неожиданно живое.

Рюкзак слетел с плеча, покатился по мокрому тротуару, и из него посыпались вещи: блокнот с пометками, ручка, флешка, смятый конверт с приглашением, пара листов с рисунками. Это были не конспекты и не формулы. Это были перекошенные циферблаты, тени, которые жили своей жизнью, кроличьи норы, ведущие не туда, куда должны были, и глаза, слишком большие для лиц. (наброски по мотивам «Алисы в Стране кошмаров»).

А стаканчик с кофе, вырвавшись из слабой хватки, выплеснулся широкой дугой — и часть его попала прямо на куртку Ильи.

Илья резко выдохнул, и его голос прозвучал жёстче, чем он сам хотел:

— Да черт тебя дери, смотри, куда бежишь! У нас тут не полигон для спринта, тут город, тут ритм!

Лина вздрогнула и сжалась, будто от удара.

В ту же секунду пространство вокруг Ильи дрогнуло. Из воздуха, будто из невидимой трещины, посыпались мелкие частички — не пыль, а крошечные шестерёнки, осколки циферблатов, тонкие металлические лепестки, похожие на лепестки старых часов. Они кружились в воздухе, как странная

метель, и тут же таяли, едва касаясь асфальта.

А в его глазах на мгновение проступил вертикальный кошачий зрачок — тот самый, что бывает у Чеширского кота, когда он перестаёт притворяться обычным котом. По костяшкам пальцев Ильи пробежала тень, и на секунду вместо ногтей проступили тёмные, изогнутые когти — острые, хищные, будто сотканые из полутени и часового механизма. Он сам это почувствовал — и замер, осознавая, как близко подошёл к краю.

Артемий тут же шагнул вперёд и положил ладонь ему на плечо, не сильно, но твёрдо, как ставят барьер.

— Стой, — тихо, но так, что Илья услышал даже сквозь шум в ушах. — Не надо. Она просто опаздывает. Это не сбой, это обычная человеческая паника.

Когти растаяли, зрачки вернулись к норме, а частички старых часов осыпались вниз и исчезли, будто их и не было. Илья моргнул, будто сбрасывая наваждение, и сжал кулаки, пряча пальцы в рукава куртки.

И в этот момент Лина почувствовала, как кончики её волос становятся белёсыми — тонкая, почти незаметная корка льда, реакция на всплеск тревоги. Она торопливо поправила прядь, надеясь, что никто не заметит. Воздух вокруг неё будто стал чуть прозрачнее, а звуки — чётче, как бывает, когда Февраль берёт верх и мир замирает в ожидании.

Лина присела на корточки и начала судорожно собирать рассыпанные вещи. Пальцы дрожали, и она боялась поднять

глаза. Илья мельком глянул на листы, и Лине показалось, что в его взгляде мелькнуло что-то вроде недоумения — не злое, а просто непонимающее, будто он не мог взять в толк, зачем кому-то рисовать такое. И этого мига хватило, чтобы внутри у Лины всё сжалось. Когда она схватила листы, то на секунду прижала их к груди, будто пытаюсь удержать их внутри себя, а не показывать всему миру. Ей вдруг стало невыносимо стыдно. Не за то, что она врезалась, а именно за эти рисунки — за то, что они выдали её волнение, её привычку прятаться в образах, когда мир становится слишком острым. Ей хотелось не просто собрать их, а смять, спрятать, сделать так, чтобы никто не видел, что она рисует не схемы, не планы, а свои ночные тревоги. Потом затолкала всё обратно в рюкзак и с резким, почти отчаянным движением дёрнула молнию — так сильно, что язычок чуть не соскочил. Щёлк. Замок встал на место, отрезав всё лишнее.

Пальцы дрожали, и она боялась поднять глаза.

Пока она застёгивала рюкзак, в голове стучало: «Только бы не опоздать. Только бы больше не столкнуться с этим парнем. Только бы он не подумал, что я просто выдумываю ерунду, чтобы не думать о важном». Ей казалось, что если он снова посмотрит на неё, то сразу поймёт: она не такая, как все.

— Держи, — буркнул он, протягивая Лине ручку, которую подобрал. Он по-прежнему не смотрел ей в глаза, будто стыдился своей вспышки. Края его силуэта на миг будто раз-

мылись, а тень на асфальте дёрнулась раньше него — лёгкий сбой, который он тут же подавил усилием воли.

— И в следующий раз смотри, куда бежишь.

— Прости, — прошептала Лина одними губами. Не дожидаясь ответа, она развернулась и побежала в сторону Академии.

Когда она скрылась за поворотом, Илья провёл рукой по мокрой куртке и вздохнул.

— Ну вот, — проворчал он. — Теперь точно придётся возвращаться.

Артемий усмехнулся:

— Зато будет что рассказать на посвящении. «В этот день я понял, что даже часовая пыль не любит, когда кто-то опаздывает».

Илья фыркнул, но уже без прежней злости.

— Пошли уже, — буркнул он, и они направились к Академии.

Лина вбежала в вестибюль, тяжело дыша. Вокруг неё всё было именно таким, как на фото в буклете: витражи, Мозаика, приглушённый свет, тишина, которая ощущалась не как отсутствие звука, а как собранность.

На шее у неё едва заметно мерцал кулон в виде ледяного кристалла — он откликался на её напряжение, становясь чуть ярче. Лина глубоко вдохнула и сделала три медленных выдоха — так, как учила мама. «Сделай три выдоха. Медленно. Пусть мир вернётся на своё место». Сейчас эти слова

звучали не как магия, а как единственное, что удерживало её от того, чтобы снова увидеть, как плитка поплывёт в странном узор.

Сердце колотилось уже не от страха опоздать, а от чего-то другого. От предчувствия.

Сегодня она не просто поступила в Академию. Сегодня она впервые по-настоящему коснулась её, и стала частью ее ритма — и он отозвался.

Глава 2

Вестибюль Академии «Часовой Рубеж» гудел не звуком, а напряжением. Сотня первокурсников теснилась у Мозаики, перешёптывалась, сжимала в руках буклеты, будто это были спасательные круги. В воздухе витал запах полированного камня, озона и чужого волнения — острый, почти электрический, он цеплялся за кожу и заставлял сердце биться чаще.

Лина стояла чуть сбоку, стараясь не мешать потоку людей, но и не теряться в нём. Сердце колотилось ровно, но слишком громко — ей казалось, что все вокруг слышат. Рядом с Мозаикой выстроились преподаватели: у края замер Олег Станиславович Ветров с холодной, почти военной выправкой — он курировал Факультет Боевого Порядка, где магия считалась инструментом точности, а не разрушения. Чуть дальше стояла Марина Вячеславовна Винтер, её взгляд скользил по толпе, будто она считывала не лица, а температурные карты зала. Рядом с ней Артём Вадимович Росин, быстро печатаая на планшете, время от времени он поднимал глаза и отмечая кого-то коротким кивком.

Ректор Дмитрий Андреевич Холод, стоял прямо перед Кристаллом. Его голос, негромкий, но такой, что долетал до каждого угла, звучал как метроном:

— Порядок важен не для красоты. Порядок — это защи-

та. Вы будете называть своё имя и подходить к сектору. Кристалл считает ваш отпечаток. Не пытайтесь его обмануть. Не пытайтесь его впечатлить. Просто будьте собой.

Очередь двигалась медленно. Лина смотрела, как один за другим студенты подходят к Мозаике, как вспыхивают сектора, как преподаватели делают пометки. И с каждым именем зал будто становился чуть тяжелее, будто сам воздух густел от чужих ожиданий.

Когда подошла её очередь, она шагнула вперёд, чувствуя, как пол под ногами едва заметно вибрирует, словно отзываясь на её пульс.

— Лина Торн, — произнесла она чуть громче, чем хотела, и голос эхом скользнул по стенам.

Кристалл не вспыхнул сразу. Он замер — не на мгновение, а на несколько долгих, тягучих секунд, будто прислушивался к чему-то внутри неё, пытался разобрать слои, которые не лежали на поверхности. В зале стало тихо, даже шёпот стих. Преподаватели переглянулись. Винтер чуть нахмурилась, Ветров поджал губы, а Росин быстро записал что-то в планшет.

А потом Кристалл вспыхнул — но не привычными секторами, а двумя новыми цветами: холодным серебром и глубоким фиолетовым. Серебро растекалось по граням, будто отражая морозный воздух, а фиолетовый проступал тонкими прожилками, как трещина в спокойном льду, как намёк на скрытый хаос. Мозаика дрогнула, будто не ожидала такого

ответа.

Илья, стоявший в тени чуть в стороне, замер.

Он не столько смотрел на кристалл, сколько на то, как свет ложится на Лину: серебро подчёркивало её бледность, а фиолетовые отблески на секунду делали тени вокруг неё чуть глубже, будто мир на миг признал в ней не только зиму, но и ту самую частичку древнего Хауса — не разрушение, а непредсказуемость, способную сбить любой ритм. Его глаза сверкнули оттенком глаз Чешира. Илья знал этот оттенок фиолетового: он встречался редко, в тех, кто мог случайно нарушить порядок одним только своим присутствием. И теперь он видел его здесь, в этой дрожащей от волнения первокурснице.

В зале стало ещё тише, и именно эта тишина сделала насмешку особенно громкой.

— Ну надо же, сразу два сектора... — протянул Арсений Громов, слегка склонив голову, будто и правда пытался подобрать деликатные слова.

— Наверное, Кристалл просто пожалел наследницу Февраля. Она, бедняжка, так старалась быть «в ритме», что он не смог выбрать один сектор и дал сразу два, чтобы хоть как-то её не обидеть.

Рядом с ним, ухмыляясь, стояли близнецы — Александр и Алексей Солнцевы. Все трое были первокурсниками Факультета Стихийной Инженерии, и в их взглядах читалось привычное превосходство тех, кто уже считает себя «сво-

им»: будто они знали правила игры, а Лина даже не поняла, что вообще в неё вступила.

— Или он просто пожалел её. Бывает, Кристалл жалеет новичков.

Лина сжала кулаки, но не опустила глаз. Она не собиралась прятаться.

— Наверное, он просто увидел то, чего вы не видите, — ответила она ровно, хотя внутри всё дрожало. — Например, что «пожалеть» и «почувствовать» — это разные вещи.

Близнецы переглянулись, их улыбки стали чуть острее. Арсений уже собирался что-то добавить, но в этот момент воздух между ним и Линой едва заметно дрогнул.

Сначала появились крошечные шестерёнки — не металлические, а будто сотканные из света и тени. Они крутились в воздухе, не издавая ни звука, но Лина почувствовала их движение кожей: лёгкий холодок, будто по руке пробежала тонкая струна. Часовая пыль оседала невесомым узором, на секунду превращая пространство в тонкую грань между секундами — туда, где время можно было потрогать.

И только после этого, словно выйдя из самого ритма этого мгновения, между ними возник Илья Фрост. Он не кричал, не размахивал руками — он просто встал так, что заслонил её от этой тройки. Его взгляд скользнул по близнецам и Арсению, как когти по натянутой струне — без усилия, но ровно настолько, чтобы заставить её вибрировать. Это был взгляд того, кто знает, как легко сломать привычный ритм:

не криком, не ударом, а просто присутствием, которое заставляет сомневаться в собственной правоте. В нём читалась спокойная уверенность Чеширского кота: он не собирался драться — он уже выиграл, потому что заставил их почувствовать себя лишними в этом зале. Илья был второкурсником Факультета Боевого Порядка — и в Академии его уважали не за силу, а за то, что он умел держать ритм.

— Здесь не ярмарка остроумия, — произнёс Илья холодно. — Если хотите блеснуть, идите на полигон. Там оценят.

Арсений поджал губы, но промолчал. Близнецы молча отошли, будто наткнулись на невидимую стену.

К Илье тут же подошёл Август Солнцев, а за ним — Яромир Ягн, оба были второкурсниками Факультета Боевого Порядка. Август наклонился и прошептал так, чтобы слышал только он:

— Смотрю, Котик, ты опять спасаешь тех, кто не просил. Не забывай, что у нас свои ритмы.

Илья даже не повернул головы.

— Я не спасаю, — тихо, но отчётливо ответил он. — Я просто не люблю, когда нарушают порядок. А их шутки — это шум. А шум сбивает ритм.

Август хмыкнул и отошёл.

Лина хотела сказать «спасибо». Слова уже поднялись к горлу, тёплые и простые, готовые сорваться с языка. Но стоило ей поднять глаза на Илью — и она наткнулась на этот его взгляд: холодный, собранный, будто высеченный из льда.

В нём не было ни капли желания услышать благодарность. Скорее уж он воспринял бы её как лишнюю помеху в ровном ритме дня.

Она так и не произнесла ни слова. Только коротко кивнула, стараясь, чтобы этот кивок означал не «спасибо», а просто «я поняла». И не столько ему, сколько себе: не надо ничего усложнять.

Илья едва заметно склонил голову в ответ — будто принял этот молчаливый знак, не требующий слов. И тут же повернулся, растворяясь в потоке студентов, будто и не было его вовсе.

Посвящение проходило во внутреннем дворе Академии. Каменные стены смыкались над площадкой, витражи отбрасывали цветные полосы на брусчатку, а Кристалл, видимый сквозь высокие окна, тихо пульсировал, будто отсчитывал удары сердец.

Студентов выстроили в круг. Ректор Холод говорил о дисциплине, о ритме, о том, что сила без контроля — это угроза. Лина слушала, но краем глаза замечала, как Артемий Дрейк, второкурсник Факультета Стихийной Инженерии, стоит чуть в стороне, спокойно и внимательно, будто впитывает сам воздух вокруг. Рядом с ним почти незаметно крутилась Аглая Ксен — она ловила его взгляд, улыбалась, пыталась что-то спросить, но Артемий пока только кивал, не отвлекаясь.

Чуть поодаль стояла Мария Шейдоу, первокурсница Фа-

культета Боевого Порядка: она держалась так тихо, что её почти не было видно, но взгляд у неё был цепкий, будто она запоминала каждую деталь. Рядом с ней переминался с ноги на ногу Марк Оров, тоже первокурсник Боевого Порядка; он то и дело поправлял воротник, будто форма была ему непривычна.

Когда официальная часть закончилась, старосты начали раздавать ключи от комнат в общежитии и временных квартир. Каждый ключ был на металлическом брелоке с выгравированным номером и маленьким символом факультета.

— Держи, — протянул староста Лине связку из двух ключей. — Один от квартиры, второй от твоего шкафчика, где будут лежать все материалы для лекций и практических занятий.

Аглая получила свои ключи и тут же принялась их разглядывать.

— Смотри, у меня на брелоке молния, — она ткнула пальцем в крошечный рельеф. — Значит, точно Стихийная Инженерия.

Мария перевернула свой брелок: на нём был строгий геометрический узор — знак Факультета Боевого Порядка.

— У меня — как будто лезвие в квадрате, — тихо сказала она, чуть приподняв брелок. — Подходит.

Тропа вывела их к жилому корпусу, к обычному подъезду с чуть облупившейся краской и табличкой, где номера квартир были написаны аккуратным, но давно не обновлявшим-

ся шрифтом. Они поднялись по лестнице, где пахло старой штукатуркой и чем-то тёплым, будто кто-то недавно пёк пирог этажом ниже. И только у почтовых ящиков до них наконец дошло: на ключах были указаны адреса.

— Подождите... — Аглая сверила цифры на своём брелке с табличкой на стене, потом посмотрела на Лину, потом снова на табличку, будто надеялась, что номер сам поменяется и подтвердит её догадку. — Так мы соседи? Серьёзно?

Лина глянула на свой брелок, потом на Аглаю, потом на номер квартиры над дверью. И вдруг поняла: они действительно почти рядом. Внутри что-то тихо и приятно шевельнулось — будто день, который тянулся как натянутая струна, наконец дал слабину.

— Ага, — Мария улыбнулась — не широко, а едва заметно, так, что улыбка проступила только в глазах. — Лина и ты на одной площадке, я — этажом выше.

Аглая рассмеялась и хлопнула себя по лбу:

— То есть я могу не учить расписание, а просто слушать, когда ты хлопаешь дверью? Идеально.

Мария закатила глаза, но в её взгляде мелькнула искорка веселья:

— Если я хлопну дверью, лучше беги. Это значит, что я опять не попала в ритм шага.

Лина наконец-то выдохнула и улыбнулась по-настоящему. Впервые за долгое время ей не хотелось быть одной.

Они поднялись к Марии. В её квартире пахло корицей

и бумагой — на столе лежали чистые тетради и несколько справочников, ещё не тронутых конспектами; на полках — стеклянные банки с сухими травами. На подоконнике лежала тонкая медная пластина, исчерченная пересекающимися линиями и крошечными рунами. Мария коснулась её пальцем, будто проверяя, ровно ли легли штрихи.

— Это мой тренировочный контур, — пояснила она, смущённо улыбнувшись. — Завтра первая практика, хочется не выглядеть совсем уж растерянной.

Время летело незаметно. Они пили чай, смеялись, обсуждали преподавателей и строили теории о том, почему близнецы всегда держатся вместе, а Август и Яромир будто существуют в своей отдельной орбите.

— Кстати, а кто куда попал? — вдруг спросила Аглая, отставляя чашку. — Ну, по факультетам.

— Стихийная Инженерия, — Лина провела пальцем по краю кружки. — Хотя я до последнего надеялась на что-то другое.

— Боевой Порядок, — тихо сказала Мария. — Я хотела туда. Мне нравится, когда всё по линии, по шагу, по ритму.

Вскоре Аглая глянула на часы и вскочила:

— Ой, у меня через полчаса связь с родителями! Если не выйду на связь, мама решит, что я пытаюсь взломать Академию через расписание.

Девушки попрощались у двери, и вышли на лестничную площадку. Аглая пошла вперёд, а Лина постояла секунду,

прислушиваясь к привычному шуму дома — скрип ступенек, чей-то смех этажом ниже, тихий гул лифта. Этот шум вдруг показался ей правильным, почти уютным после оглушающей тишины Академии.

Она спустилась на свою площадку, открыла дверь, вошла в квартиру и сразу почувствовала, как напряжение дня чуть отпускает. В коридоре пахло ванилью и старой бумагой — будто дом сам напоминал, что здесь можно выдохнуть.

Лина прошла на кухню, налила себе травяной чай — тот самый, с мятой и сушёной ромашкой, который всегда заваривала, когда хотелось вернуть себе ощущение порядка. Потом прошла в лоджию, села в своё любимое кресло, подтянула колени и обхватила кружку обеими руками. Тёплый фарфор приятно грел ладони, а пар поднимался тонкой струйкой, будто унося с собой лишние мысли.

За стеклом город уже зажигал огни. Прямо напротив темнел фасад дома, где жили Илья и Артемий. Она уже собиралась опустить взгляд, как вдруг заметила, что в квартире напротив загорелся свет. В проёме окна мелькнул силуэт Ильи. Он вернулся домой, снял куртку, бросил её на пол, потом стянул футболку, перекинув её через плечо, и, оставаясь в одних спортивных штанах, на секунду замер, будто прислушиваясь к чему-то, а затем скрылся в проёме ванной. Лина вспыхнула, краска залила щёки. Она торопливо поставила кружку на журнальный столик и закрыла лицо ладонями, но, не удержавшись, раздвинула пальцы и ещё раз глянула туда,

где только что мелькнул его силуэт. Только теперь там было тихо и пусто.

Лина вспыхнула, краска залила щёки. Она торопливо поставила кружку на журнальный столик и закрыла лицо ладонями, но, не удержавшись, раздвинула пальцы и ещё разглянула туда, где только что мелькнул его силуэт. Только теперь там было тихо и пусто. «Что ты делаешь?!» — строго одёрнула она себя. «Ты не должна подглядывать. Совсем не должна». Ей стало одновременно стыдно и странно тепло, будто она увидела что-то личное, не предназначенное для чужих глаз. Лина прошла через кухню в комнату, легла на кровать, достала наушники и включила музыку — тихую, ровную, без резких переходов, такую, которая помогает выровнять дыхание и утихомирить мысли. Она закрыла глаза, и через несколько минут усталость дня взяла своё: она уснула. А когда уснула, ей снился ритм. Не голос ректора и не тиканье часов, а ровный, спокойный такт, будто кто-то тихо отбивал его прямо у неё в груди. И в этом сне не было ни насмешек, ни тяжёлых взглядов, ни дрожи в пальцах. Только ровный шаг, который она наконец-то могла держать. Завтра начнётся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер.

«Что ты делаешь?!» — строго одёрнула она себя. «Ты не должна подглядывать. Совсем не должна». Ей стало одновременно стыдно и странно тепло, будто она увидела что-то личное, не предназначенное для чужих глаз. Лина прошла через кухню в комнату, легла на кровать, достала наушники.

ки и включила музыку — тихую, ровную, без резких переходов, такую, которая помогает выровнять дыхание и утихомирить мысли. Она закрыла глаза, и через несколько минут усталость дня взяла своё: она уснула. А когда уснула, ей снился ритм. Не голос ректора и не тиканье часов, а ровный, спокойный такт, будто кто-то тихо отбивал его прямо у неё в груди. И в этом сне не было ни насмешек, ни тяжёлых взглядов, ни дрожи в пальцах. Только ровный шаг, который она наконец-то могла держать. Завтра начнётся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер.

Лина прошла через кухню в комнату, легла на кровать, достала наушники и включила музыку — тихую, ровную, без резких переходов, такую, которая помогает выровнять дыхание и утихомирить мысли. Она закрыла глаза, и через несколько минут усталость дня взяла своё: она уснула. А когда уснула, ей снился ритм. Не голос ректора и не тиканье часов, а ровный, спокойный такт, будто кто-то тихо отбивал его прямо у неё в груди. И в этом сне не было ни насмешек, ни тяжёлых взглядов, ни дрожи в пальцах. Только ровный шаг, который она наконец-то могла держать. Завтра начнётся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер. А когда уснула, ей снился ритм. Не голос ректора и не тиканье часов, а ровный, спокойный такт, будто кто-то тихо отбивал его прямо у неё в груди. И в этом сне не было ни насмешек, ни тяжёлых взглядов, ни дрожи в пальцах. Только ровный шаг, который она наконец-то могла держать. Завтра начнётся

ся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер.

А когда уснула, ей снился ритм. Не голос ректора и не тиканье часов, а ровный, спокойный такт, будто кто-то тихо отбивал его прямо у неё в груди. И в этом сне не было ни насмешек, ни тяжёлых взглядов, ни дрожи в пальцах. Только ровный шаг, который она наконец-то могла держать. Завтра начнётся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер.

Завтра начнётся настоящая учёба. А сегодня пусть будет просто вечер.

Глава 3

Утро в «Часовом Рубеже»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.